

Рец. на: Кризисы в сфере политики и государственного управления: междисциплинарный анализ / Под ред. А. Ю. Полунова. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2016. 256 с.

Fyodor Gayda

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Rec. ad op.: Krizisy v sfere politiki i gosudarstvennogo upravleniia: mezhdistsiplinarniy analiz. Moscow, 2016

В коллективной монографии, подготовленной сотрудниками факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова, разносторонне анализируются политические кризисы, происходившие в России и СССР в XX – начале XXI в. Исследование вполне оправданно имеет ярко выраженный междисциплинарный характер: погружение в конкретные детали исторических событий сочетается в нём с политологическими обобщениями и компаративистикой. Всё это позволяет приблизиться к построению теории политического кризиса, учитывающей сложность, альтернативность и вариативность данного явления. Взаимная потребность в научном диалоге тут вполне очевидна.

Книга состоит из десяти очерков, каждый из которых представляет собой самостоятельную статью с индивидуальным стилем и чёткой авторской позицией, но вместе они образуют полифоническое, хорошо продуманное целое. Монографию открывает краткое предисловие А.Ю. Полунова, за которым следуют статьи Г.В. Пушкарёвой о проблеме идентификации феномена политического кризиса, О.Р. Айрапетова, В.Г. Кошкидько, Я.В. Леонтьева и М.В. Фоменко о кризисных явлениях первой половины XX в., а также Е.В. Андрушина, Г.Л. Купряшина, С.Н. Пшизовой и А.В. Сидорова – о политических процессах последних трёх десятилетий.

Несмотря на хронологическую разнесённость сюжетов, можно утверждать, что авторам удалось осветить три решающих фазы развития политического кризиса. На начальном этапе он проходит некую «точку невозврата». При этом, как верно отмечает Полунов, нельзя сказать, что она связана преимущественно с активностью широких масс. Народ, безусловно, оказывает серьёзное влияние на ход дел, но его настроения и дей-

ствия во многом зависят от лидеров, принадлежащих к элите (с. 5). В первую очередь наступление кризиса определяется пассивностью правящих «верхов», приводящей к потере ими политической инициативы. Власть оказывается парализована внутренним противостоянием, отсутствием доминирующего представления о пути развития, нередко – борьбой альтернативных концепций, взаимно блокирующих друг друга. Поэтому Пушкарёва справедливо указывает на необходимость изучения мотивации сил, участвующих в политическом процессе, – как «верхов», так и «низов». Вместе с тем ухудшение экономического положения или конфликт внутри элиты сами по себе могут и не вызвать политического кризиса, если не возникает ситуация депривации (ощущения несправедливости), в формировании которой большую роль играют информационные технологии (с. 21–26, 38).

Политическая пассивность власти в купе с депривацией подталкивают оппозиционную часть элиты к активности. Между тем, как показывает Айрапетов, раскрывающий внешнеполитические факторы политического кризиса, предшествовавшего революции 1905–1907 гг. (с. 41–64), внутривластная инертность может сопровождаться гиперактивностью в иных сферах, в частности, в международных отношениях. Так, на рубеже XIX–XX вв. при отсутствии единого правительства, координирующего деятельность разных ведомств, император и его ближайшее окружение увлеклись авантюрами (не обеспеченными необходимыми ресурсами) проектами расширения позиций империи на Дальнем Востоке, не продумав ни саму стратегию экспансии, ни её последствия и реакцию на них в обществе. Позднейшие попытки достижения компромисса с оппозицией внутри

страны воспринимались уже как проявления слабости и лишь способствовали усугублению кризиса. Уже в ноябре 1904 г. власть оказалась дезориентирована до такой степени, что развитие событий стало приобретать неподконтрольный ей характер. По сути, эта ситуация и дала старт революции, начатой отнюдь не Г. Гапоном, а либеральными оппозиционерами на земском съезде и в ходе «банкетной кампании» 1904 г. Так же начиналась и французская Февральская революция 1848 г., на которую ориентировались её российские эпигоны. По словам Айрапетова, «Николаю II так и не удалось стать вторым Николаем» (с. 63). Но связано это было не столько с недостатком волевых качеств, сколько с отсутствием единой непротиворечивой программы развития государства и невозможностью её разработки в рамках политической системы, унаследованной от Александра III.

Сидоров размышляет о том, когда была пройдена «точка невозврата» в 1990–1991 гг. (с. 142–173). К этому времени, как пишет автор, в СССР уже изменился общий «политический дизайн», идеологическая и регулирующая монополия КПСС ушла в прошлое, быстро формировались новые идейно-политические течения (консервативное, центристское, демократическое) (с. 146, 150–153). Но это свидетельствует о том, что новая кризисная реальность возникла ещё в 1989 г., когда по инициативе «сверху» был демонтирован механизм безальтернативного голосования, созданный в 1920-е гг. и являвшийся стеновым хребтом советского строя в течение десятилетий. Его ликвидация неизбежно означала отказ от однопартийности и признание допустимости мировоззренческого плюрализма. Тем самым власть лишалась важнейшего инструмента управления, а в обстановке нарастающего экономического кризиса это обрекало её на провал. Альтернативные программы становились достоянием общественности и орудием борьбы различных элитных групп, стремившихся к расширению своей власти и апеллировавших к массам.

Следующая фаза политического кризиса обычно связана с переломом в его развитии, который намечается в тот момент, когда у наиболее значимых участников процесса складывается представление о том, что их задачи в целом уже решены или, наоборот, в создавшихся условиях не имеют решения. Нечто подобное отчётливо проявлялось

в описанной Кошкидько политике уступок, проводившейся самодержавием накануне и в начале революции 1905 г. (с. 64–92). Намеченные тогда преобразования затрагивали религиозную жизнь, образование, процесс подготовки законов и т.д. В них выражалось стремление удовлетворить запросы либеральной части «освободительного» движения. Удалось ли власти в октябре 1905 г. достичь этой цели, заручиться поддержкой умеренной оппозиции и тем самым расколоть единый фронт революционных сил? Как известно, радикальные либералы, сплотившиеся тогда в кадетскую партию, отнюдь не считали положения Манифеста 17 октября соответствующими своим пожеланиям и требовали не только закрепления провозглашённых им норм в законодательстве и политической практике, но и всеобщей политической амнистии, создания «ответственного министерства», проведения земельной реформы. Граф С.Ю. Витте не смог привлечь их в состав своего кабинета или хотя бы превратить в «системную» оппозицию. В итоге Манифест скорее усилил размах революционных беспорядков, которые к концу года доходили уже до вооружённых восстаний и образования на территории империи целого ряда республик. Это убедило императора в бессмысленности каких-либо уступок, заставило его опереться на силу войск и полиции, частично пересмотреть свои обещания, а затем перейти к социально-экономическим преобразованиям, способным обеспечить власти более широкую поддержку подданных. Тем самым неуступчивость либералов парадоксальным образом приблизила перелом в развитии революции и ускорила её подавление.

Но если в 1905–1907 гг. государственный строй России устоял, то в 1917 г. кризис империи вышел на новый уровень. Падение монархии вызвало стремительный развал всех старых политических и социальных связей. Возникла ситуация аномии (отсутствия нормативного порядка), в которой преимущество получили силы, отличавшиеся наибольшей готовностью и волей к самоорганизации. В этом отношении весьма любопытны наблюдения и выводы Леонтьева, который, характеризуя взаимоотношения большевиков и левых эсеров весной–летом 1918 г., убедительно продемонстрировал, насколько различными были методы политической борьбы двух партий (с. 93–115). Из его очерка следует, что борьба

эсеров за демократию в условиях гражданской войны лишь расширяла её размах, не принося им успеха, тогда как ставка большевиков на однопартийную диктатуру по сути полностью себя оправдала. Сравнивая мобилизационную деятельность большевиков в период Гражданской войны и работу советской государственной машины в 1941–1945 гг., Фоменко выявил принципы, позволявшие политической системе, созданной в условиях революции, успешно действовать в чрезвычайных обстоятельствах (с. 126–142).

Однако, разумеется, окончательное преодоление кризиса происходит не в момент перелома, а в ходе дальнейшей организации новой социальной реальности. В первой половине XX в. это выразилось в форме Большого скачка 1930-х гг. Революция никогда не достигает поставленных революционерами целей, но она приводит к пересмотру смыслов, часто превращающихся в полную свою противоположность. Революция изменяет страну, но её последующее развитие обеспечивается не стихийным творчеством и энергией разрушения, а властью, вступающей в борьбу с беспорядком революционной

эпохи. Отсутствие постреволюционной мобилизации — прямой путь к новому кризису. Это проявлялось, в частности, и в исследованных Лившиным настроениях советского общества 1920-х гг., лояльного новому строю и готового усваивать и транслировать клише господствующей идеологии, но внутренне крайне разнородного и инертного (с. 126). Определённое сходство тут можно увидеть и с ситуацией начала XXI в., рассмотренной Купряшиным и Пшизовой (с. 173–230). В обоих случаях легитимность власти ставилась под сомнение из-за разительного несоответствия декларируемых принципов и повседневной практики (высокая коррумпированность, незаконное обогащение, быстрый рост имущественной дифференциации). Преодоление ещё не завершённого кризиса, по мнению авторов, обусловлено «последовательным и консолидированным институциональным строительством» (с. 206), а также «конструктивным диалогом» власти и общества (с. 230).

В целом данная монография вносит значительный вклад в изучение истории и феноменологии политических кризисов XX в.

Антон Короленков

Рец. на: В.А. Engel, J. Martin. Russia in World History. Oxford: Oxford University Press, 2015. XVI, 156 p.*

Anton Korolenkov

(«Novaia i Noveishaia istoriia» journal, Moscow, Russia)

Rec. ad op.: В.А. Engel, J. Martin. Russia in World History. Oxford, 2015

Книга Барбары Энджел и Джанет Мартин «Россия в мировой истории» открывает новую серию, в выпусках которой предполагается кратко освещать прошлое тех или иных стран. Авторы — профессиональные историки: Энджел изучает роль женщин в России, Мартин — русское Средневековье. В своей новой работе они решили показать не только ход политических событий и судьбы виднейших деятелей, но и жизнь и характеры обычных людей.

Во введении авторы указывают на особенности географии и климата России. Огромные

расстояния, скудные почвы нечернозёмных районов, отсутствие прямого выхода к морю не способствовали её быстрому развитию; естественных преград для вторжений извне не имелось, что облегчало путь врагам. Всё вместе это создавало условия для укрепления центральной власти, без которой едва ли возможно было сохранить громадное государство. При этом в удобные моменты Россия и сама переходила в наступление, не сдерживаемая природными препятствиями. Энджел и Мартин учитывают и многонациональный состав

Энджел Б.О., Мартин Дж. Россия в мировой истории. Оксфорд: Издательство Оксфордского университета, 2015. XVI, 156 с.